
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2011г. А. Л. Журавлев*, Д. В. Ушаков**

* Член-корреспондент РАН, профессор, директор Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, Москва

** Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии
и психофизиологии творчества, там же

Исследуется проблема взаимодействия фундаментальной психологической науки и практики. Рассматриваются два основных подхода к объяснению их некоторых расхождений. Согласно первому, причиной являются особенности знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. В соответствии со вторым, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественно-научным образцам лежат в основе ее отрыва от практики.

Показано, что на современном уровне психология для решения практических задач создает локальные модели явлений. В то время как переход к более оптимальному взаимодействию с практикой связан с разработкой синтетических моделей.

Анализируются возможности практики на макропсихологическом уровне, связанные с диагностикой и оптимизацией психологического состояния общества в целом.

Ключевые слова: фундаментальная психология, психологическая практика, взаимодействие, тип научного знания, эксперимент, локальная и синтетическая модель, психологический конструктивизм.

Проблема практической релевантности фундаментальных исследований на протяжении десятилетий волнует психологов, стремящихся ощутить пользу от своих исследований в обозримое время, а не в неопределенном “светлом будущем”. Статья посвящена двум аспектам этой проблемы.

Во-первых, в процессе развития психологического знания происходят не только количественные изменения в виде накопления знаний, техник и технологий, но и качественные, структурные преобразования. Они отражаются на *характере связей* между фундаментальной психологией и практикой, который, эволюционируя, оказывает своего рода *индикатором* общего состояния психологического знания. Следовательно, необходима постоянная рефлексия в этой сфере.

Во-вторых, в контексте возрастания потребностей современного общества в гуманитарных технологиях добавляются новые уровни практической деятельности психологов. Перед психологами выдвигаются проблемы, которые по своей сути являются *макропсихологическими*, а по важности решения – *стратегическими*. Осознание этих новых реалий весьма важно для оценки со-

стояния непрерывно развивающегося взаимодействия фундаментальной психологии и практики.

В первой части статьи речь пойдет о внутренних структурных проблемах соотношения экспериментальной академической психологии и практики. Во второй – будут обсуждены вопросы, связанные с внешними условиями, в которых возникают новые требования к психологической практике.

ВЗАИМОСВЯЗИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ПРАКТИКИ: ПРИЧИНЫ
ИХ СОВРЕМЕННОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ

Классическое понимание связи теории, эксперимента и практики в психологии в 1980-е гг. выразил Б.Ф. Ломов [3]. С позиции такого понимания фундаментальная теория должна верифицироваться (или, по К. Попперу, фальсифицироваться) в эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, способна, с одной стороны, проявить ценность теории, а с другой – поставить перед теорией

такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. В результате “взаимодействие ... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук” [3, с. 51].

В постсоветский период в концептуализации отношений фундаментальной психологии и практики произошли серьезные изменения. Можно указать на *три основные причины* произошедшего переосмысления интересующих связей.

Во-первых, психологическая практика в конце XX века бурно разрослась количественно и охватила новые сферы, которые оказались весьма востребованными в обществе. Это относится, в первую очередь, к различным формам психотерапии, которые в 1990-е гг. пережили в нашей стране настоящий бум. Численно возросшая и укрепившаяся собственными кадрами практика обрела право независимого голоса, который по своему содержанию далеко не всегда совпадал с голосом академических ученых.

Во-вторых, если в советское время психологические службы и подразделения, как и все прочие, были государственными структурами и поэтому опирались на разработки государственных НИИ или вузовскую науку, то с развитием рыночной экономики появился сектор частных психологических и психотерапевтических услуг. Тем самым относительному организационному единству фундаментальной психологии и практики был положен конец. Более того, как часто случается, “маятник” развития качнулся в противоположную сторону – к отрицанию положительных сторон подобного единства.

В-третьих, важную роль в переосмыслении связей академической науки и практики сыграла философия и методология постмодернизма. В контексте фрагментарного и раздробленного видения мира, характерного для постмодернизма, выпукло выступили разрывы и нестыковки между академическим психологическим знанием и практикой.

В результате в 1990-е гг. начала создаваться совсем другая, радикально неклассическая картина соотношения фундаментальной психологии и психологической практики. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие о том, что практическая психология (речь шла преимущественно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку [1, 9, 13]. Психологический процесс воздействия продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, “ускользая” от строго

научных методов оценки (измерения) и, главное, проверки. Дело выглядит так, будто сегодня об одном и том же предмете – человеческой психике – существуют по меньшей мере два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой – наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения.

Сегодня наличие определенного расхождения между фундаментальной психологией и практикой стало общепризнанным. Основная проблема заключается в том, чтобы проанализировать истоки этого разрыва, спрогнозировать дальнейшее течение событий и принять меры для оптимизации ситуации.

Данная проблема имеет *общенаучную* составляющую. Современные представления в области методологии науки указывают на то, что реальная ситуация в науке вообще не вполне совпадает с ее классической картиной [10, 13].

В нашей статье речь пойдет о специфике психологической науки в контексте соотношения фундаментальных экспериментальных исследований и практики. Выкристаллизовываются два основных подхода к осмыслению причин несогласованности фундаментальной психологии и практики. Согласно *первому* из них, дело заключается в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. Это знание пока не является настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики. В этой логике дальнейшее развитие основанной на эксперименте эмпирической науки приведет к оптимизации ее отношений с практикой.

Согласно *второму* объяснению, в основе отрыва фундаментальной психологии от практики лежит сам тип ее построения, ее следование естественно-научным образцам. Практика в рамках такого взгляда нуждается в ориентированной по-новому фундаментальной науке, которая уже не будет целиком полагаться на “могущество” эксперимента, а отдаст дань гуманитарно направленным вариантам получения психологического знания.

Ниже будут проанализированы оба подхода.

ТЕОРИЯ ТИПОВ ЗНАНИЯ
Я.А. ПОНОМАРЕВА И ПРОБЛЕМА
СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Основы первого подхода заложены в методологии, разработанной выдающимся отечественным психологом Я.А. Пономаревым. По его мнению, можно выделить *три типа научного знания* – созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. В контексте данной статьи основной интерес представляют два последних, поскольку именно они характеризуют экспериментальную науку, в то время как первый относится к науке доэкспериментальной.

В *эмпирическом* типе знания не учитываются внутрипредметные преобразования (они остаются в “черном ящике”), но отражаются эмпирические закономерности [5, с. 200]. Иными словами, при том многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуются другие модели и т.д. Таким образом складывается *эмпирическая многоаспектность* – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Синтез, или интеграция локальных моделей представляет задачу *действенно-преобразующего знания*, которое должно упорядочить локальные модели на основе “объективных критериев”, в качестве которых, по Я.А. Пономареву, выступают “структурные уровни организации явлений – трансформированные этапы ... развития” [5, с. 42].

Конечно, выделение знаний как типов достаточно условно. Я.А. Пономарев рассматривает их как полюса, к которым тяготеют научные концепции и конкретные исследования: “ни один из перечисленных типов не существует реально в чистом виде, но каждый из них сравнительно легко выделяется путем идеализации” [5, с. 200].

Фактически можно представить соотношение эмпирического и действенно-преобразующего знания как континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетичным.

В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобра-

зующее знание от эмпирического, является “раскрытие глобального черного ящика”. Знание эмпирического типа описывает черный ящик извне, а если раскрывает, то делает это только локально, описывая механизм отдельной изолированной функции.

В соответствии с теоретическим положением, разработанным Я.А. Пономаревым, различные сферы практики можно разделить в зависимости от их *локальности или глобальности* в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которых достаточно у современной психологии. Такие задачи могут быть весьма социально значимыми, и в этой сфере фундаментальная экспериментально ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач. Примером служит инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы способствовать оптимизации взаимодействия человека с техническими системами разной сложности.

Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели здесь оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема “теория – эксперимент – практика” нарушается.

Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются полностью бесполезными. Локальные модели могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

Рассмотрим несколько способов использования *локальных моделей* на практике. Они могут быть поделены на несколько типов, из которых выделим два. Во-первых, это локальные *модели механизмов*. В них происходит “раскрытие черного ящика”, но лишь в отношении локального механизма, который является только частью сложнейшего механизма, стоящего за явлением. Во-вторых, *модели условий протекания процессов*. Здесь “черный ящик” не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом.

Существуют и другие варианты, например, модели протекания собственно процесса практического психологического вмешательства. Однако они составляют самостоятельную категорию и должны рассматриваться отдельно.

Проблема частного и общего механизма психологических явлений. Сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой нашей психики. Мы знаем о механизмах цвето-восприятия и воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к созданию парадигмы, которая объединила бы эти наши локальные достижения в единое целое.

Знания локальных механизмов необходимы и весьма полезны практике, однако именно в силу своей локальности они не являются достаточными. Приведем аналогичный пример из медицинской практики. Допустим, установлено, что некий нежелательный процесс *A* в организме человека (например, повышение артериального давления) происходит вследствие процесса *B*, запускаемого агентом *C*. Тогда можно представить, что методом избавления от *A* может быть введение агента *D*, способного подавлять агент *C*. Это общее рассуждение может действительно привести к разработке эффективного метода лечения, которое, однако, основывается лишь на локальном механизме, поэтому может дать побочные результаты, например, в случае, если агент *C* оказывает также весьма полезное для организма действие в отношении процесса *E*.

Человеческая психика – система с чрезвычайно сложными связями. Изучив локальный механизм, например, влияния мотивации достижения на развитие профессионализации, мы можем прийти к вполне, вроде бы, обоснованному выводу о пользе формирования такой мотивации, например, для профессионального саморазвития. Однако при этом могут остаться неучтенными побочные эффекты повышения мотивации достижения.

Использование локальных моделей такого рода не обеспечивает целостного алгоритма действий, поэтому не может полностью обеспечить предсказание результата. Их применение служит лишь весьма эффективным дополнительным инструментом в деятельности профессионала.

Анализ условий протекания психического процесса. Приведем примеры исследований, выполненных в Институте психологии РАН (ИП РАН).

Под научным руководством Н.В. Тарабриной проводится цикл работ, посвященных *психологии посттравматического стресса*. Ситуации, связанные с воздействием экстремального (травматического) стресса, т.е. техногенные и природные катастрофы, насилие, боевые действия, стихийные бедствия и т.п., встречаются в повседневной жизни людей все чаще и, соответственно, в современном обществе пропорционально возрастает количество тех, кто в результате такого воздействия страдает особой формой психопатологии – *посттравматическим стрессовым расстройством* (ПТСР). Таких людей среди переживших травматический психологический стресс может оказаться от 15 до 70%, что, в основном, зависит от тяжести переживаемого события и от сочетания психической травмы с нарушениями физической целостности человеческого организма, т.е. физическими травмами.

В лаборатории, возглавляемой Н.В. Тарабриной, были выявлены различные факторы, влияющие на глубину посттравматического стресса и возможности его преодоления у разных категорий людей [4]. Таким образом, производится анализ внешних и внутренних условий, способствующих и препятствующих развитию посттравматического стрессового расстройства. Эти сведения весьма полезны практикам для работы с соответствующими психологическими последствиями переживания травм, т.к. они позволяют учитывать факторы, воздействие на которые снижает риск развития посттравматического стрессового расстройства.

Фактически в этих исследованиях *практическая полезность* достигается за счет анализа *условий* (включая сюда как внешнюю среду, так и индивидуальные свойства человека), в которых происходят сложнейшие и не поддающиеся пока полному анализу посттравматические процессы.

В качестве другого примера можно привести выполненные под научным руководством Е.А. Сергиенко исследования развития ребенка с пренатального периода [8]. В лонгитюдном исследовании беременных женщин (охватывающем весь период беременности и послеродовой период) было показано, что личностные факторы изменяют организацию поведения матери, позволяют осуществлять более эффективные способы регуляции, что отражается и на особенностях регуляции родившихся детей.

Данные исследования позволяют подойти к выделению *предикторов* благополучия вынашивания ребенка, психического здоровья женщины и дитя. Контроль поведения рассматривается как

интегративная индивидуальная характеристика субъекта, обеспечивающая адаптацию и стрессоустойчивость (показатели психического здоровья) женщины и будущего ребенка. Очевидны практические следствия – психологическая помощь беременным женщинам как превентивное средство обеспечения здоровья ребенка.

Фактически во всех перечисленных случаях речь шла об одном и том же типе *взаимодействия фундаментальной науки и консультационной практики*. Фундаментальная наука рассматривает совокупность факторов, обеспечивающих успешное преодоление различных ситуаций людьми. Часто это ситуации экстремальные, ставящие человека на грань психического, а иногда и биологического разрушения – войны, бедствия, опасные болезни и т.д. Но могут быть и более обыденные, менее опасные ситуации. Однако они тоже нередко становятся причиной психологических проблем для человека, например, источником девиантного поведения и т.п.

Таким образом, фундаментальная психология постепенно “нащупывает” подходы к анализу различных трудных жизненных ситуаций, попадание в которые и приводит людей в кабинеты психологов, социальных работников, психотерапевтов и т.п. Изучение факторов, которые в таких ситуациях обуславливают характер переживаний, а главное – влияют на разрешение и успешность выхода из них, оказывает неоценимую услугу самой практике психологического воздействия. Сегодня наработана и реально функционирует *схема взаимодействия*, следуя которой, фундаментальная наука выявляет общие закономерности возникновения наиболее типичных сценариев развития сложных жизненных ситуаций и поведения людей в них, устанавливает детерминанты успешности их разрешения, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на которые необходимо воздействовать для повышения вероятности благоприятного исхода и т.д.

Все это достигается путем эффективного применения локальных моделей, которые могут быть использованы квалифицированным клиницистом для выработки оптимальной линии психотерапевтической помощи. Фундаментальная психология дает знания о факторах, определяющих успешность преодоления человеком тех или иных ситуаций. Такие знания должны быть преломлены консультантом через призму его понимания психологического процесса воздействия и, что принципиально, индивидуальных особенностей взаимодействующего с ним человека. Фундаментальная наука разрабатывает схемы, которые ори-

ентируют консультанта, снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного или оптимального действия. Но только высокая квалификация консультанта, его способность гибко применять схемы, а не оказываться у них в плену, может обеспечить успешность многообразных процессов воздействия.

Целесообразно подвести *промежуточные итоги* проведенных выше рассуждений. Концепция типов научного знания Я.А. Пономарева сложилась к 1980 г., задолго до того, как состояние дел в сфере соотношения фундаментальной психологии и практики начало приобретать современные очертания. Тем не менее, как показывает предшествующий анализ, методологические принципы, предложенные Я.А. Пономаревым, продолжают оставаться актуальными. Более того, современное состояние психологической науки позволяет их существенно обогатить. Оно может быть описано как преимущественное оперирование знаниями эмпирического типа, т.е. локальными моделями отдельных процессов. Данные модели весьма эффективны в объяснении и воздействии на явления, релевантные им по уровню. Именно так чаще всего и происходит, например, в инженерной психологии.

Там, где необходимо охватывать процессы, относящиеся к уровню человеческой личности в целом, как это должно происходить в психотерапии, локальные модели оказываются существенно менее эффективными. Это приводит к расхождению между экспериментальной психологией и психологической практикой. Тем не менее, даже в этом случае взращенные в экспериментальной психологии модели могут принести пользу практике: они могут использоваться как вспомогательные средства, которые оказывают необходимую дополнительную помощь квалифицированному специалисту.

Существует, однако, и другой взгляд на проблему расхождения фундаментальной психологии и практики.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Альтернативный подход, основанный на философско-психологических идеях, в наиболее последовательной форме проводится современным философом, культурологом и методологом В.М. Розиным. Подвергая сомнению возможность

существования психологии как естественной науки, опирающейся на определенные законы, он задает вопрос: “Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?” [6, с. 93]. Психологические явления, считает Розин, зависят от времени и культуры, поэтому с помощью законов или моделей мы можем описывать только тот или иной тип психики человека, сложившийся в определенных культурных и иных условиях. Унифицировать закономерности нельзя, поскольку у людей, сформированных иным образом, эти закономерности перестают действовать. Психология не есть знание о человеке как таковом, она не конструирует универсальных методов воздействия. “Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а от себя лично и того частного сообщества, той частной практики, в которые он входит, представления которых разделяет” [6, с. 100–101].

В реальной психологии, по мнению В.М. Розина, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: “Модели дают возможность *рассчитывать, прогнозировать и управлять*, а схемы – только *понимать феномены и организовать с ними деятельность*. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие, с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны, действовать практически” [6, с. 93].

При этом психология – не только знание о человеке, но и его проект (“замышление”, по выражению автора), а также символические описания, которые характеризуют человека и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов заключается не слабость психологии, а сила: “Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни” [6, с. 25].

С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобно другим артефактам – зданиям, произведениям искусства, машинам и т.д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным “архитектором строительства” выступает *культура*. Психологическая наука как часть культуры тоже получает определенное место на этой “стройке”.

Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа “человеческих построек”. Психологические

логические техники должны конструироваться на основе понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психотехническое действие. Практика больше не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией.

Следует отметить, что В.М. Розин обращает внимание на проблему локальных и глобальных моделей, которая была затронута выше: “В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность¹ и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических представлений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев” [6, с. 101].

Подход В.М. Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы. Очевидно, что в какой-то мере каждый человек – конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, как эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях. Например, конструируя здание, архитектор не в силах отменить законы физики. Подобно этому, культура может конструировать человека в пределах, отведенных для этого законами природы. Насколько широки эти пределы? Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ на вопрос о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или иных значениях параметров. Принципиальное противопоставление этим, по-видимому, снимается. Однако оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой.

¹ По-видимому, автор имеет в виду операционализируемость моделей, возможность установить их соответствие эмпирически фиксируемому параметрам.

Современная психология достаточно плодотворно исследует закономерности поведения в естественно-научном ключе. В то же время получен ряд локальных результатов, показывающих некоторую зависимость когнитивных процессов от языка в духе гипотезы лингвистической относительности. Для экспериментальной психологии в контексте идей психологического конструктивизма важно задаться вопросом, насколько описанные ею закономерности являются зависимыми от культурно-исторической конституции человека. Например, является ли тот же когнитивный диссонанс “естественным” свойством человека или культурно сформированным феноменом. Пока на вопросы такого рода нет окончательного ответа. Можно, однако, констатировать, что экспериментальная психология движется в сторону их изучения. В том числе происходит развитие статистических техник, которые позволяют устанавливать закономерности, свойственные лишь подвыборкам общей выборки испытуемых. Это означает возможность фиксации локальных (т.е. проявляющихся внутри определенным образом культурно организованных типов протекания психических процессов) закономерностей, на чем настаивает психологический конструктивизм.

В контексте данной статьи, однако, важен другой вопрос. Насколько указанная дихотомия может рассматриваться в качестве реального источника расхождения между ориентированной на эксперимент фундаментальной психологической наукой естественного типа и психологической, точнее – психотерапевтической, практикой? С позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, являются не научными теориями в собственном смысле слова, а схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащей с патологией: “... многие представители психологического цеха склонны к манипуляциям в отношении человека или к стремлению культивировать болезнь. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе как культивирование патологических наклонностей. Когда З. Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию?” [6, с. 96].

Реальная проблема нестыковок между психотерапевтической практикой и фундаментальной наукой состоит в том, что средствами эксперимента не удастся смоделировать соответствующую ре-

альность. С позиции психологического конструктивизма следовало бы ожидать другого: у людей, организованных по разным схемам, должны быть по-разному протекающие психические процессы. До момента, когда такое положение дел могло бы выясниться, современная экспериментальная психология еще просто не дошла. Следовательно, необходима большая работа в парадигме естественно-научного подхода, и после этого можно ставить вопрос о пределах, за которыми она станет неадекватной.

Можно констатировать, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы. Этот подход не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать ряд принципов психологического конструктивизма. Необходимо лишь определить границы их применимости и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу.

ВКЛАД ПРАКТИКИ В РАЗВИТИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Фундаментальная наука много дает и еще больше может дать психологической практике, но это не означает, что не важно обратное направление – от практики к фундаментальной науке. Оно чрезвычайно важно, так как существенно обогащает фундаментальную науку, однако формат статьи позволяет лишь фрагментарно затронуть этот вопрос. Кратко остановимся на основных моментах.

Практика имеет дело с реальным конкретным человеком, а не с испытуемым, респондентом или, тем более, абстракцией. Это человек, о котором недостаточно иметь только психологическое знание, необходимо комплексное – в том числе юридическое, педагогическое, физиологическое, а также сведения из области социальной работы, менеджмента и т.д. Встает вопрос большого теоретического значения – о принципах интеграции знаний различных социогуманитарных наук применительно к одному объекту. Такое интегрированное знание подчас оказывается сродни искусству, однако необходимость его трансляции, обучения, профессиональной подготовки заставляет искать воспроизводимые закономерности.

Есть ситуации, в которых *психологическая практика пользуется достижениями фундаментальной науки*, а бывает, что *фундаментальная наука черпает материал для своих обобщений из практики*. Вообще, психологи нередко основывают свои теоретические построения на опыте повседневной жизни, в чем порой они прямо признаются [19]. Профессиональная практика в какой-либо сфере означает постоянное обращение специалиста к соответствующему кругу проблем, что, безусловно, накладывает отпечаток на стиль теоретизирования. Ярким примером области, в которой теоретические идеи возникают из практического опыта, является *психотерапия*, причем от ее классических образцов до современных работ. К сожалению, возникающие в процессе психотерапевтической практики теоретические идеи часто плохо поддаются экспериментальной проверке, что, однако, не умаляет эвристической ценности этой практики для теории.

Есть и такие ситуации, где *фундаментальная наука с практикой движутся совместно, интегрируясь в деле познания человека*. Одна из них – это исследование методом анализа единичных случаев, то что у нас часто обозначают английским словосочетанием “*case study*”. Это довольно известный метод, наиболее широко используемый в организационной и политической психологии, однако есть и менее очевидные варианты.

Например, в развитии *психодиагностических методов* часто наблюдается своего рода *цикл*, выводящий на передний план попеременно то фундаментальные, то прикладные исследования. Нередко стартовым пунктом для разработки психодиагностических методик оказываются методики исследовательские, созданные для нужд психологического эксперимента. После их тщательной отработки в лабораториях, глубокого теоретического осмысления измеряемых ими характеристик выявляется их диагностический потенциал, позволяющий после соответствующей психометрической “доработки” выпустить их в практику. Применение же в практике приводит к получению массовых результатов, которые, так сказать, вторым “витком” вводят метод в сферу фундаментального анализа. Этот же цикл жизни психодиагностического инструмента иногда начинается по-другому – в сфере практики. Методика создается сначала для решения практических проблем. Однако затем она теоретически осмысливается, вводится в лабораторный эксперимент и, получив новое звучание, возвращается в практику. Так или иначе, в сфере психодиагностики ярко видно сотрудничество представителей

фундаментальной науки и практики в глубоком постижении психологии человека.

В целом можно сделать *вывод* о том, что разрыв ряда областей фундаментальной психологической науки и практики не стоит абсолютизировать. Это закономерный *этап развития* психологического знания, который, однако, связан не с имманентной и постоянной характеристикой нашей науки. Сегодня возможны разные точки зрения на структурные причины нестыковок между фундаментальной психологией и практикой. Однако, не зависимо от того видятся ли эти причины в господстве эмпирического типа знания или в чрезмерном акценте на естественно-научную составляющую психологии, дальнейшее прогрессивное развитие исследований обещает привести к сближению этих двух частей знания.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Анализ современного состояния психологической практики необходимо проводить не только в связи с внутренними структурными проблемами психологического знания, но и в контексте внешних условий – общественной востребованности психологии. В этой сфере также протекают серьезные процессы, нуждающиеся как в профессиональной рефлексии, так и в широком обсуждении.

Особо необходимо отметить процесс роста *психологических служб*. Начавшись несколько десятилетий назад с уровня отдельных предприятий, этот процесс поднялся до уровня целых министерств и ведомств, а несколько лет назад мы стали свидетелями появления подобной службы в столичном мегаполисе.

Работа Московской службы психологической помощи населению представляет ценный материал для обобщений фундаментальной науки уже самим принципом своей организации. Этот принцип – *переход от отраслевой системы к территориальной*. Психологические службы, создающиеся в нашей стране уже в течение многих десятков лет, как отмечалось выше, являются службами отраслевыми: не только на уровне отдельного предприятия, но и целых отраслей, ведомств – МВД, Минюста, Минобороны, Минобрнауки, МЧС и т.д. Создание в мегаполисе территориальных служб, строящихся по цепочке “район–округ–мегаполис”, выдвигает ряд важ-

ных проблем, поскольку в рамках их деятельности человек оказывается включенным в контекст других проблем – не только профессионального, но и общего характера. Так личность, делая профессиональный выбор реализует одну из своих сторон, но одновременно обладает и другими, не менее важными: экзистенциальными, семейными, бытовыми и т.д. Это обстоятельство требует выявления и обобщения того, что в работах психологических служб разных типов является общим, а что – особенным.

Можно выделить три *основных направления* их деятельности: 1) *работа с клиентами* по решению их индивидуальных психологических проблем; 2) *работа с малыми группами*, прежде всего – семьей, а также с группами, формирующимися в учебной, игровой, профессиональной и других видах совместной деятельности – учебными классами, первичными трудовыми подразделениями, спортивными командами и т.д.; 3) *воздействие на психологические особенности поведения больших групп* населения. Все эти направления важны для мегаполиса. Первые два позволяют решить наиболее болезненные проблемы, снять, нейтрализовать или компенсировать боль у тех, кто в этом больше всего нуждается по жизненным обстоятельствам. Именно эти направления сейчас наиболее развиты и успешно реализуются Московской службой психологической помощи населению.

Третье направление пока еще не составляет серьезного предмета работы психологических служб. Однако его перспективное государственное значение столь велико, что о нем необходимо говорить открыто и в полный голос. Реформы, которые происходили в нашем обществе в течение двух последних десятилетий, наглядно показали, что многие экономические и социальные планы не реализуются, если не учитываются *психологические факторы*, психологические особенности населения. Одни и те же экономические институты, хорошо работающие в США или в Западной Европе, в России нередко действуют с большими трудностями [15]. Между программами (экономическими, политическими) и социальным поведением людей существует “люфт”, который определяется психологическими особенностями населения. Поэтому перед психологией, если смотреть на нее с государственных позиций, стоит сложнейшая задача – создать масштабный и действенный *механизм регулирования* этих промежуточных звеньев.

Представляется, что психологи должны вынести проблему в публичное поле и разработать кон-

цептуальные средства для принятия общественных и административных решений, учитывающих психологические особенности населения. Сегодня и общественному мнению, и управленцам очевидна важность психологических факторов, однако еще недостаточно понимание того, как с ними работать и как их учитывать.

Прежде всего, психологи, как и медики, должны поставить диагноз, в данном случае – психологический. Отсюда возникает проблема оценки *психологического состояния общества* в целом и отдельных социальных групп в частности. Эта проблема теоретически очень сложна, поскольку общество многомерно и многовекторно в своем развитии, в том числе и по многочисленным психологическим характеристикам. Существуют группы и подгруппы, имеются реальные психологические противоречия в каждом человеке, так как человек – существо развивающееся, находящееся в постоянном переходе из одного состояния в другое. Поэтому оценка психологического состояния даже одного человека, не говоря уже о группе и тем более целом обществе, весьма сложна.

Тем не менее, подходы к решению задач такой сложности активно формируются. В частности, в ИП РАН под научным руководством члена-корреспондента РАН А.В. Юревича разработаны *макропсихологические индексы* состояния общества. Фактически намечаются два основных подхода к оценке макропсихологического состояния общества. Во-первых, возможно использование “*жестких*” *индексов*, которые состояются на основе публикуемых индикаторов, прямо или косвенно указывающих на психологическое состояние общества, таких как статистика криминала, самоубийств, разводов и т.д. Во-вторых, можно использовать “*мягкие*” индексы, получаемые путем опроса и тестирования представителей различных групп населения.

Работы с использованием “жестких” индексов, проведенные под руководством А.В. Юревича, показывают, что хотя и может быть прослежена связь между экономическим и психологическим состояниями, она отнюдь не однозначна. Например, ухудшение экономического состояния нашей страны между 1995 и 1998 гг. сопровождалось некоторым улучшением психологических показателей. В то же время, относительный рост экономики в 1999–2002 гг. шел на фоне неблагоприятной в целом социально-психологической динамики [14]. Аналогичное исследование, благодаря взаимодействию ИП РАН и Московской службы пси-

психологической помощи населению, было выполнено и по Москве.

Указанные работы означают лишь первые шаги в накоплении психологических знаний в очень важной научно-практической области. Разработка индексов позволяет более объективно исследовать включенность психологических факторов в социальные взаимодействия, оценивать их значимость (“вес”), определять направление детерминационных цепочек и т.д. Необходимо также научиться ставить более точный и дифференцированный психологический диагноз обществу.

“Мягкие” индексы строятся на основе кросс-культурных исследований, проводимых в разных странах на различных группах населения. Такие индексы выявили существенные различия между странами по важнейшим психологическим показателям – *ценностям* [12, 16], *мотивации* достижения [18], *интеллекту* [17]. Эти исследования показывают также существенные изменения показателей внутри одной страны или группы стран за более или менее продолжительные периоды времени [11].

Любая диагностика макропсихологических показателей основывается на теории, задающей таксономию, или систему координат, с помощью которой можно было бы охарактеризовать психологическое состояние общества, и при этом определить реальное и желательное направления его развития. Приведем пример – *трехмерную модель ценностей* Ш. Шварца.

Ценностная система общества в соответствии с этой моделью представлена в системе координат, которую образуют три биполярные пары ценностей: “иерархия–равноправие”, “принадлежность–автономия” и “мастерство–гармония”. Специально следует отметить, что важным и теоретически дискуссионным моментом является признание инвариантности подобных психологических структур относительно разных культур. В связи с этим встает острая *проблема переноса* без какой-либо адаптации различных зарубежных моделей ценностей (М. Роквич, Ш. Шварц) на российскую почву [2].

Существуют международные оценки стран по преобладающей системе ценностей в соответствии с моделью Ш. Шварца. Показано, например, что российское общество обладает более выраженной иерархичностью и принадлежностью, чем западные, особенно англосаксонские. Большие различия наблюдаются между странами, принадлежащими к разным регионам мира. Различия существуют и между, казалось бы, весьма

близкими в культурном отношении странами Запада. США, например, в сравнении с Западной Европой имеют большую выраженность мастерства по отношению к гармонии [12].

Безусловно, макропсихологическая диагностика на основе “мягких” индексов предполагает проведение огромного объема полевых исследований в разных странах. Их число стремительно возрастает, если ставится задача – получение адекватной картины *динамики состояния* различных обществ. Тем не менее, знания психологов в этой области активно развиваются и накапливаются.

Современное состояние психологии позволяет *оценить* те или иные *последствия* политического, экономического и социального характера, связанные с изменениями *психологического состояния общества*. Если взять ту же трехмерную систему ценностей, то международные исследования показывают, например, существенную связь уровня коррупции со значимостью ценности принадлежности, а также то, что высокая иерархичность может быть отрицательно связана с интенсивностью экономического роста.

Из факта установленных связей сам по себе еще не следует *вектор желательного движения общества*. Этот вопрос вообще не лежит в сфере компетенции исследователей. Они устанавливают и объясняют взаимовлияние факторов, а практические решения должно принимать общество и те, кто уполномочен управлять обществом, изменять его, развивать и т.д. Например, из того факта, что иерархичность как ценность в обществе отрицательно связана с интенсивностью его экономического развития и что в России показатели иерархичности достаточно высоки, автоматически не следует вывод о том, что целесообразно принимать меры, направленные на снижение значимости иерархичности. Такой вывод может делать только само общество в результате использования принятых в нем процедур. Наука, однако, может и должна давать аргументы для общественных дискуссий, а также предпочитаемые методы достижения целей, которые принимаются обществом.

Психология способна также предложить *методы влияния на психологическое состояние общества*. Существует целый ряд таких способов, одни из которых хорошо известны, а другие – только начинают обсуждаться. Наиболее известно психологическое *влияние через средства массовой информации*, однако оно здесь специально обсуждаться не будет.

Другой важный источник влияния на психологическое состояние общества – *принимаемые законы и устанавливаемые в обществе нормы*. Допустим, если необходимость влияния на ценность иерархии и принадлежности осознано как общественная задача, то психологи могут предложить разнообразные методы на уровне норм, которые окажут существенное влияние на изменение “веса” этих ценностей. Так, например, в немецких университетах существует эффективный способ снижения феномена принадлежности – ученый не может получить должность профессора в университете, где он учился и защитил диссертацию. Для этого он должен ехать в другой университет. Здесь очень важно иметь в виду сложившиеся традиции в той или иной стране. В нашей науке, напротив, не только становление, но и рост ученого традиционно происходит внутри одной научной школы. Повторим, в рамках научной статьи не имеет смысла обсуждать, что лучше, к чему следует стремиться обществу, можно лишь показывать следствия тех или иных культурных и психологических факторов и способы влияния на психологическое состояние, в данном случае – на ценность принадлежности.

Наконец, еще одним важным направлением влияния на психологическое состояние общества является *организация типичных ситуаций*. Возьмем, например, дорожное движение. Общеизвестно, что у нас в стране, в Москве в частности, оно является источником стрессов и агрессии не только по объективным основаниям (из-за пробок), но и из-за поведения самих водителей. Естественно, напряжение агрессивного поведения за рулем автомобиля в течение определенного периода времени в день аккумулируется и переносится на рабочее место, а порой – и в домашние условия. Внимательный психологический анализ позволяет выявить проблемные точки, порождающие взаимное агрессивное поведение. Это, например, сужения дорог, возможные объезды, позволяющие сократить путь или проехать в нужном направлении с запрещенного ряда и т.д. Устранение таких “горячих точек” не позволит увеличить пропускную способность дорог или избавиться от “пробок”, но оно реально может способствовать решению проблемы психологического порядка – снизить агрессивность поведения водителей на дорогах.

Дорожное движение – это один из примеров возможного использования психологических данных. В более общем виде можно сказать, что психологическое состояние индивида, группы и

общества в целом зависит от множества ситуаций, в том числе повторяющихся, типичных, через которые люди регулярно проходят в течение своей жизни. *Выявление особо важных в психологическом отношении типичных ситуаций и работа с ними* – это еще одна возможность влияния на психологическое состояние общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие фундаментальной науки с психологической практикой происходит сегодня по разным линиям. В этом взаимодействии в выигрыше оказываются обе стороны. Психологическая практика получает от фундаментальной науки *новые методы*, а также *систему научных ориентиров*, позволяющих организовывать и направлять психологический процесс воздействия, хотя взаимодействие с клиентом, основанное на учете его индивидуальности и уникальности жизненной ситуации, в которой он находится, по-прежнему остается *искусством, мастерством*, приобретаемым в результате специального обучения, накопления практики работы, требующим профессиональных способностей и таланта. Фундаментальная наука, в свою очередь, получает содержательную подпитку от психологической практики в виде *новых идей*. Необходимо отметить, что практика может получать эффективную поддержку от фундаментальной науки только в той степени, в какой последняя успешно развивается и способна решать крупные и принципиальные задачи. Следовательно, результативная и эффективная психологическая практика основывается на соответствующей поддержке фундаментальных исследований.

Важными для взаимодействия фундаментальной науки с психологической практикой в перспективе, несомненно, станут задачи, которые нужно решать в связи с потребностями влияния на психологическое состояние общества. Во-первых, необходимо сделать достоянием общественного сознания возможные схемы и способы описания психологического состояния общества. Во-вторых, следует продолжить движение по пути объективной оценки, точного измерения психологического состояния общества. В-третьих, нужно установить достоверные связи психологического состояния с различными значимыми факторами жизни общества. На основе осознания этих связей общество сможет определить желательный вектор своего развития. Наконец, необходимо использовать различные пути для реализации дви-

жения в направлении избранного желательного вектора.

Оптимизация взаимодействия фундаментальных областей психологии и ее практических направлений выступает, таким образом, одним из важных условий решения сложных государственных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василук Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
2. *Журавлев А.Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
3. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
4. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5–15.
5. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980.
6. *Розин В.М.* Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
7. *Розин В.М., Розин М.В.* О психологии и не только о ней // Знание-сила. 1993. № 4.
8. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2006.
9. *Сосланд А.И.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. №1. С. 46–67.
10. *Степин В.С.* От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентиров) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 152–166.
11. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
12. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
13. *Юревич А.В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
14. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.* Оценка психологического состояния российского общества: количественный подход // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
15. *Ясин Е.Г.* Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 25–36.
16. *Hofstede G.* Culture’s Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2001.
17. *Lynn R., Vanhanen T.* IQ and the Wealth of Nations. Westport, CT: Praeger Publishers, 2002.
18. *McClelland D.C.* The achieving society. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1961.
19. *Sternberg R.J.* Wisdom, Intelligence, and Creativity Synthesized. New York: Cambridge University Press, 2007.

FUNDAMENTAL PSYCHOLOGY AND PRACTICE: PROBLEMS AND TENDENCIES OF INTERACTION

A.L. Zhuravlev*, D.V. Ushakov**

* *Corresponding Member of RAS, Director of the Establishment of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology RAS, Sc.D. (psychology), professor, Moscow;*

** *Sc.D. (psychology), head of laboratory, the same place*

The problem of interaction between fundamental psychological science and practice is analyzed. Two main approaches to explanation of their rupture are considered. According to the first one, the reason is due to specific character of knowledge obtained by the present-day experimental psychology. According to the second one, the structure of fundamental psychology, its adherence to natural-science standards is the basis for its separation from the practice. It is shown that modern psychology creates local models of phenomena for practical tasks’ solving. At the same time conversion to more optimal interaction with practice is connected with synthetic models’ elaboration. Possibilities of practice at the macro-psychological level connected with diagnostics and optimization of psychological state of society in toto are analyzed.

Key words: fundamental psychology, psychological practice, interaction, type of scientific knowledge, experiment, local and synthetic model, psychological constructivism.